
УДК 340.132.2:669.1

Евгений Неклюдов

**ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ГОРНОГО ПРАВА
НА РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ МЕТАЛЛУРГИИ:
ВЗГЛЯД УРАЛЬСКОГО ЗАВОДЧИКА**

Yevgeniy Neklyudov

**THE INFLUENCE OF MINING LAW SYSTEMS UPON
THE DEVELOPMENT OF WORLD METALLURGY:
THE VIEW OF A URAL MANUFACTURER**

The author focuses on the biggest miner of the Urals, duke S. S. Abamelek-Lazarev, whose views on resources management were discussed in Russian society at the turn of the 20th century. S. S. Abamelek-Lazarev opposed the *mining freedom* principle, which deprived landowners of their proprietary right to the mining land, and defended the then existing principle of accession, which stipulated that the landowner possessed the resources of his land. Using comparative and statistical research, the duke studied the mining laws of a number of countries, and drawing upon considerable statistics he revealed how laws influenced the development of mining and metallurgical industries; also, he studied Russia's historical data and current law which enabled him to draw conclusions and make observations. The duke maintained that it was essential to improve Russian legislation in a way that would stimulate the development of mining without stripping landowners of their rights. He focused on the leading countries of the 19th century and their legislation (England and the US). His writings and activities, aimed at protecting large-scale Urals mining, were crucial for the preservation of the principle of accession until the nationalization of land in 1917.

Key words: Urals; mining industry; mine owners; mining legislation; resources management; accession; mining freedom; S. S. Abamelek-Lazarev.

Представлены взгляды крупнейшего уральского горнозаводчика князя С. С. Абамелек-Лазарева на вопрос о недропользовании, обсуждаемый в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. Отстаивая действующее в стране правило акцессии (принадлежности недр собственнику территории), князь выступал против принципа «горной свободы», подразумевающего лишение землевладельца права собственности на недра. В своих сравнительно-статистических исследованиях С. С. Абамелек-Лазарев

рассматривал горные законы разных стран и на основе значительных статистических данных выяснял последствия их воздействия на развитие мировой горной и металлургической промышленности; изучал и отечественный исторический опыт, действующее право и статистику, тоже дававшие богатый материал для наблюдений и выводов. Князь приходил к выводу о необходимости совершенствования отечественного законодательства, которое бы стимулировало развитие горной промышленности и одновременно не стесняло землевладельцев. При этом он ориентировался на законодательство тех стран, которые в XIX в. показали пример наиболее динамичного развития (Англия и США). Его труды и деятельность, направленные на защиту крупной уральской горнозаводской промышленности, сыграли свою роль в сохранении действующего в стране принципа акцессии до момента национализации земли в 1917 г.

Ключевые слова: Урал; горнозаводская промышленность; горнозаводчики; горное право; недропользование; акцессия; горная свобода; С. С. Абамелек-Лазарев.

Вопрос о недропользовании является ключевым в сфере горного права, регулирующего развитие таких важнейших отраслей промышленности, как горнодобывающая и металлургическая. Хотя до сих пор среди юристов нет согласия в использовании терминов, но, как правило, они определяют, что за длительный период существования горных разработок сложились правовые системы, в основе которых лежал либо принцип акцессии, т. е. принадлежности недр земли собственнику поверхности, либо так называемой «горной свободы», подразумевающий лишение землевладельца права собственности на недра. В первом случае распоряжение недрами зависело от собственника земли, во втором – от государства, с помощью горного законодательства устанавливавшего разнообразные правила разведки и разработки полезных ископаемых.

В основе горного права в России с 1782 г. лежали правила акцессии, введенные Екатериной II, которая под влиянием просветительских идей пыталась укоренить в стране отношение к собственности как незыблемому и неприкосновенному институту. Но произошедшие с тех пор изменения в структуре землевладения, связанные в первую очередь с землеустройством крестьян после реформы 1861 г., по мнению некоторых теоретиков горного права (А. А. Штоф, А. Е. Яновский, В. Г. Стругков), привели к распространению в стране преимущественно мелкого землевладения, в результате чего акцессия стала мешать развитию частного горного промысла из-за якобы сопряженного с ней произвола землевладельца. В 1896 г. при Министерстве земледелия и государственных имуществ, к которому тогда относился Горный департамент, было предложено создать комиссию для составления проекта положения о горном промысле, предусматривавшего перемены в существующих законах о недрах не только

надельных, но и вообще всех частных земель. Один из руководителей департамента и крупнейший знаток горного права А. А. Штоф тогда же издал книгу о европейских порядках, в которой доказывал, что горная свобода «является самым совершенным из всех типов горных законов и потому представляет одно из необходимых условий развития горного промысла в тех местностях, где он действует» [Штоф, 1896]. Но в 1902 г. Николай II нашел преждевременным создание особой комиссии.

Судя по всему, на это решение могло повлиять издание другого специального труда «Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии» [Абамелек-Лазарев, 1902], автор которого привел весомые аргументы против введения горной свободы. Этим автором был не менее авторитетный член Горного совета того же министерства, шталмейстер Высочайшего Двора князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев – не только известный ученый (историк по образованию), но и крупнейший уральский горнозаводчик, владелец богатейшего промышленного имения в Прикамье с Чёрмозскими металлургическими заводами, Кизеловскими каменноугольными копейми, платиновыми приисками и соляными промыслами.

Князь доказывал, что принцип акцессии действовал всего на $\frac{1}{10}$ территории империи, где существовала частная земельная собственность, и ничем не препятствовал развитию горной промышленности на остальных $\frac{9}{10}$ земли, принадлежавшей государству. Кроме того, по его подсчетам, средний размер отдельного частного владения в России был достаточно крупным и составлял 207 га (в то время как, например, в Англии, которая считалась «классической страной крупного землевладения и горной промышленности», – всего 24 га), а 100 млн десятин надельных земель принадлежали не 20 млн домохозяйств, а лишь 133 725 крестьянским обществам, в среднем владевшим 800 десятинами. Это разбивало доводы сторонников горной свободы, настаивавших на преобладании в России мелкого землевладения, которое в теории особо затрудняло развитие промышленности. Взгляд С. С. Абамелек-Лазарева и как знатока горного права, и как авторитетного предпринимателя – практика горного дела (вместе с другими формами дворянской оппозиции) – перетянул тогда чашу весов в сторону сохранения существующего положения.

Но разразившийся в начале XX в. острый металлургический кризис и начавшаяся столыпинская аграрная реформа, призванная создать из бывших общинников армию крестьян-собственников, вновь обострили вопрос о недропользовании. В 1909 г. при Министерстве торговли и промышленности открылось Совецание о праве распоряжения недрами с целью, по выражению одного из его руководителей – того же А. А. Штофа, – «решить принципиальный вопрос: признается ли необходимым введение в наше законодательство начал горной свободы?». На этот раз угроза акцессии исходила не только от теоретиков или защитников мелкой и средней горной промышленности,

но и от влиятельных горнопромышленников Южного металлургического региона России, как известно, к началу XX в. вытеснившего Горнозаводский Урал на вторые роли. В отличие от уральских заводчиков, промышленники Юга не являлись владельцами земель и вынуждены были арендовать отводы у собственников – местных помещиков и крестьянских общин. «Завышенные требования землевладельцев», по мнению председателя Совета съездов горнопромышленников Юга Н. Ф. фон Дитмара, не позволяли этим горнозаводчикам вести расширенные поиски руд. «Обнаружение естественных богатств страны только и может быть достигнуто путем введения горной свободы», – утверждал он [РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 491, л. 1–4]. Ориентируясь на интересы этих горнопромышленников, с которыми в первую очередь связывалось тогда будущее развитие горной отрасли, многие крупные российские чиновники поддержали эту идею.

В работе совещания вновь принял участие С. С. Абамелек-Лазарев, на этот раз подготовившийся еще более основательно. Среди членов совещания он распространил свое «отдельное мнение» и издал дополненный 400-страничный труд «Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г.» [Абамелек-Лазарев, 1909а], а на статью А. А. Штофа «Нужна ли нам “горная свобода”» [Штоф, 1908] ответил публикацией «Нужно ли вводить в России горную свободу, отмененную в Германии» [Абамелек-Лазарев, 1909б]. Предполагая, что получит обвинения в предвзятости, поскольку, защищая акцессию, он защищал и свое право собственности на недра более чем 800 тыс. десятин принадлежавшего ему Пермского имения (а также и права других уральских заводчиков, как вотчинников, так и посессионеров), князь доказывал свою точку зрения путем сравнительного статистического анализа. Последовательно в главах книги он рассматривал горные законы разных стран и на основе значительного массива статистических данных, занявших $\frac{2}{3}$ объема издания, выяснял последствия их воздействия на развитие мировой горной и металлургической промышленности; изучал и отечественный исторический опыт, действующее право и статистику, тоже дававшие богатый материал для наблюдений и выводов.

К первой группе стран, где действовало правило акцессии, Семен Семенович прежде всего отнес Англию, где, как писал, «собственно и нет горного законодательства, т. е. вмешательства государства в горную промышленность, т. к. только с 1850 г. появились там отдельные горные законы, преследующие лишь ограждение безопасности рабочих». Принадлежность короне золота и серебра была единственным исключением из права собственности землевладельца на недра. В Англии существовали также «отдельные виды собственности на поверхность и недра, которые становились вполне самостоятельными... и могли быть предметом купли, продажи и отдачи в аренду».

Принципы английского права лежали и в основе законодательства британских колоний (в частности, Австралии и Канады) и Северо-

Американских Соединенных Штатов, где английское право было лишь «приноровлено к новым условиям, в которых там ему пришлось действовать». В Соединенных Штатах, к началу XX в. обогнавших по темпам горного производства свою бывшую метрополию, это выражалось в действии некоторых элементов «иноземного права или обычая» (например, в Калифорнии, отделившейся от Мексики) и в наличии незанятых земель. На этих находившихся в разных штатах общественных землях, принадлежавших федеральному правительству, Конгресс мог устанавливать свои горные законы и имел право уступить их за деньги в собственность первому частному лицу, кто обратится с заявлением о желании купить участок. Но такие общественные земли составляли лишь 29 % территории (40 %, включая Аляску), причем большинство их было сосредоточено в штатах, где горной промышленности почти не существовало. Напротив, там, где она развивалась в старых штатах, например в Пенсильвании, Нью-Йорке, Огайо, Иллинойсе, издавна совсем не было общественных земель, и там действовал принцип акцессии [Абамелек-Лазарев, 1909б, с. 3–15].

Ко второй группе стран относились те, где «недра земли или *res nullius*, т. е. никому не принадлежат (Испания и испано-американские государства), либо составляют собственность короны (Австрия, Швеция), либо принадлежат землевладельцу (Франция, Бельгия, Голландия), либо неизвестно кому принадлежат (Пруссия и большинство германских государств), но во всех этих государствах землевладелец не имел права распоряжаться большинством ископаемых, находящихся в его земле, а распоряжалось ими государство». Оно предоставляло недра тому, кто хочет их разрабатывать, по особому договору (доманиальная система), как в германских государствах, Люксембурге и в папских владениях Италии, либо устанавливало общие правила отдачи недр в разработку, как во Франции, Бельгии, Голландии, Швеции, Греции и Турции. В германских и испанских государствах выбор концессионера основывался на принципе горной свободы, т. е. в пользу первого заявителя. Но когда в результате этого в Пруссии несколько крупных монополистов завладели огромными отводами, был издан новый закон 1907 г., отменивший горную свободу для важнейших ископаемых (солей и угля) и оставлявший, по выражению С. С. Абамелек-Лазарева, «как утешение для своих теоретиков и утопистов, горную свободу для неважных ископаемых».

Действовавшая в странах второй группы еще со времен Средневековья «горная регалия» вызывала «беспреостанное вмешательство» и «своеволие» горной администрации, которое «парализовало всякое развитие горной промышленности». Осознание необходимости реформ под влиянием индустриализации привело к тому, что в XIX в. «монархи стали отказываться от своей регалии и от произвольных и весьма тяжелых налогов с горной промышленности», и, наконец, новые законы Франции (1810 г.), Испании (1868 г.), Пруссии (1865 г.) учредили из права добычи минерала новый вид недвижимой

собственности, как это издавна существовало в Англии», – констатировал князь [Абамелек-Лазарев, 1909б, с. 16–32].

Сравнивая показатели развития горной промышленности, С. С. Абамелек-Лазарев обнаруживал, что по стоимости «горных продуктов» доля государств первой группы (где действовало правило акцессии) за период с 1808 по 1908 г. возросла с 40 до 70,5 %. «Первенствующее положение этих государств показывает, – пишет князь, – как странно считать права землевладельцев на недра земли тормозом развития горной промышленности. Они не только в течение XIX в. отвоевали у государств второй группы первенствующее положение, но их горная промышленность развилась несравненно быстрее, а именно в 49 раз, а в остальных государствах – только в 14 раз. Эти цифры доказывают, что если признавать за горными законами важное влияние на развитие горной промышленности, то надо вывести заключение, что России незачем делать заимствования из законов тех стран, которые в XIX в. отстали в развитии этой промышленности» [Там же, 1909б, с. 3–4].

Обращаясь к историческому опыту самой России, Семен Семенович обнаруживал в нем примеры действия как горной свободы, так и акцессии. Он полагал, что, хотя до начала XVIII в. «частные права не были сформулированы никакими законами», землевладелец все-таки считал недра принадлежащими ему, «иначе не была бы понятна сильная оппозиция землевладельцев новшествам Петра Великого». Современные исследования, скорее, подтверждают этот вывод [Курлаев, Манькова, с. 239]. Но, «следуя примеру Германии и Швеции, – пишет князь, – Петр I в 1719 г. ввел в России... чуждые ее обычаям принципы горной регалии и горной свободы» под страхом «жесточкого гнева, неотложного телесного наказания и смертной казни и лишения всех имений» для тех, кто будет препятствовать «в сыскании, устройении и расширении» горных заводов.

Многие правоведы и историки в действии горной свободы видели одну из основных причин быстрого роста горнозаводской промышленности на Урале в XVIII в. С. С. Абамелек-Лазарев же полагал, во-первых, что надо бы привести убедительные примеры изъятия в пользу заявителя частных земель под горнозаводские надобности за установленное Берг-привилегией вознаграждение владельцу, а во-вторых, доказать, что именно этот закон, а не другие факторы оказали влияние на ее развитие.

Анализируя известные ему факты, князь приходил к заключению, что «развитие горной промышленности было обязано своим существованием не горной свободе, а целому ряду других мер, принятых Петром и его преемниками» (вызов из-за границы знатоков горного дела, посылка русских для обучения, организация поисков полезных ископаемых, учреждение горной администрации, передача казенных заводов в частные руки, приписка казенных людей и лесов и пр.). «Одновременно происходит развитие строгановских заводов без вся-

ких пособий от казны... – констатирует он, – и не дошло до нас ни единого предания о том, чтобы кто-либо в силу горной свободы вздумал заводить рудники на строгановских землях. Да и вообще история не сохранила нам никаких следов применения горной свободы в России на частных землях».

Известно, что Строгановы, которые были крупнейшими землевладельцами на Урале, вскоре после введения горной свободы сами приступили к строительству металлургических заводов на своих землях. Вероятно, к этому подтолкнуло их и вызванное новыми порядками опасение изъятия ресурсов собственных земель другими горнопромышленниками, в первую очередь Демидовыми. Однако активизация промышленной деятельности Строгановых все-таки не спасла их вотчины от территориальных потерь, но не столько в пользу горнопромышленников, сколько государства. По подсчетам их контор, в XVIII в. от строгановских земель «без всякого согласия владельцев» были отмежеваны более 2,7 млн десятин под дачи уездного города Оханска, Пыскорской, Дедюхинской и Саранской экономических волостей, многих сел казенных и удельных крестьян в Оханском, Соликамском, Кунгурском, Осинском и Екатеринбургском уездах, Аннинского монетного двора, Мотовилихинского, Ягошихинского, Юговского и Серебрянского казенных заводов, а также некоторых заводов частных Суксунского, Уинского, Шайтанского, Нижнетагильского, Ревдинского, Верх-Исетского, Юго-Кнауфского и Сысертского округов, расположенных в основном в бассейнах рек Сылва и Чусовая [РГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 300, л. 137–140].

Однако многие из этих претензий еще во время строительства заводов были сочтены безосновательными, поскольку противоречили объявленным в жалованных грамотах XVI–XVII вв. границам строгановских владений. В итоге все вышеназванные частные заводы в конце XVIII в. были признаны посессионными, т. е. построенными на государственных землях, и никогда не платили Строгановым зафиксированную в Берг-привилегии $\frac{1}{32}$ долю дохода в пользу землевладельца. Выходит, что горной свободой воспользовались на Урале не столько горнопромышленники, сколько казна, причем тоже без денежной компенсации землевладельцам. Но к казне Строгановы сняли свои претензии, в 1785 и 1790 гг. в преддверии Генерального межевания заявив об отказе «от всех земель и лесов, кои из жалованных им дач заняты были казенными заводами и селениями, не требуя за то никакого вознаграждения» [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 337, л. 6; Мезенина, с. 65–69]. Остававшиеся претензии Строгановых к частным заводчикам (Демидовым, Яковлевым, Турчаниновым, А. А. Кнауфу, И. М. Ярцову) были окончательно сняты в 1828 г., когда Николай I утвердил границы строгановских владений по Чусовой от ее устья до реки Межевая Утка, исключившие районы расположения заводов этих предпринимателей из гипотетической территории пожалованных Строгановым земель [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 375; Неклюдов, с. 201, 206–207].

Будучи владельцем значительной части бывших строгановских вотчин, С. С. Абамелек-Лазарев не мог не знать этих фактов, которые и давали ему основание говорить об отсутствии «следов применения» горной свободы на частных землях.

В результате такой практики, писал он, «администрация ясно увидела, что начала горной свободы противны русским обычаям и взглядам, неприменимы в России и притом вполне излишни, так как в XVIII в. было так мало частной поземельной собственности и были такие необъятные пространства казенной земли, что правительство для развития горного дела должно было, прежде всего, обратить внимание на эти земли». Екатерина II, видя «это заграничное новшество, мало привившееся в России», издала «под влиянием теории свободы экономических отношений» манифест 30 июня 1782 г. Этот манифест, по мнению князя, «несмотря на его форму и громкие фразы, нового ничего не вводил; он только подтверждал то, что искони существовало в России, именно, что собственник земли один волен делать с нею, на ней и в ее недрах, что ему заблагорассудится» [Абамелек-Лазарев, 1909б, с. 33–37].

Но со временем на некоторых категориях земель или в отдельных регионах империи все-таки были введены элементы горной свободы. В 1864 г. издано Положение о горном промысле в Области войска Донского, в 1870 г. – правила о золотом промысле на землях казенных и принадлежащих Кабинету, в 1872 г. – правила о нефтяном промысле на казенных землях (действие этих правил не распространялось на земли, которые были давно известны как нефтеносные). Наконец, в 1887 г. появились правила о частной горной промышленности на «свободных казенных землях», которые допускали первого заявителя до разработки ископаемых на тех землях, которые были «не нужны казне и до тех пор, пока не нужны».

Кроме того, в 1870 г. в Царстве Польском, где, по выражению С. С. Абамелек-Лазарева, «после второго мятежа... правительство не стеснялось нарушать права польских помещиков... в подражание Прусскому горному закону было отнято от землевладельцев право распоряжения каменным углем, железной, цинковой и свинцовой рудой за скупое вознаграждение». В Великом княжестве Финляндском действовал Горный устав 1883 г., также допускавший приобретение, независимо от согласия землевладельца, права на разработку металлов с их рудами за вознаграждение или участие в прибылях.

Анализируя последствия введения этих правил, князь замечал, что на свободных казенных землях «вслед за поисковыми казенными партиями идут стаи захватчиков и спекулянтов и... открытые месторождения попадают в частные руки не горнопромышленников... а лиц, желающих их перепродать за огромные деньги... Из всех благих намерений закона ничего не осталось, а получилось явление крайне вредное для развития горной промышленности... За 15 лет действия закона 1887 г. выдано 5260 свидетельств, произведено лишь 299

отводов, а рудников открыто вообще ничтожное количество по сравнению с теми, которые за это же время открыты в частных землях». Закон же 1870 г. в Польше стал «главной причиной мирного немецкого завоевания значительной части этой страны». Горная свобода там привела к тому, что недра, принадлежавшие польским землевладельцам, «теперь закабалены несколькими немногочисленным иностранным компаниям и сотни отводов, приобретенные этими компаниями, втуне лежат» [Абамелек-Лазарев, 1909б, с. 39–45].

Развитие горной промышленности наблюдается в России именно там, утверждал князь, «где произвол, а не там, где действуют правила, основанные на горной свободе». «Именно наблюдается колоссальное развитие добычи угля на владельческих, станичных и общественных землях в Донецком бассейне, а не на войсковых землях, вообще на Юге России, а не в Польше, то же самое для нефти: колоссальное развитие добычи на Апшеронском полуострове и около Грозного, именно там, где нет горной свободы, а там, где действуют правила, близкие к принципу горной свободы, нет ни одного серьезного предприятия, несмотря на тысячи заявок». За 30 лет действия горной свободы в Царстве Польском добыча угля выросла в 14 раз, а при акцессии в Донецком бассейне – в 65 раз. «Произвол частных землевладельцев и крестьянских обществ» в Кривом Роге, вопреки жалобам горнопромышленников Юга, ничуть не помешал разработкам на их землях старых и созданию новых рудников при относительно мелком землевладении. Действующие там 79 рудников располагались всего только на 2883 десятинах собственной земли горнопромышленных фирм, а остальные 15 317 десятин (или 84 %) были заарендованы у помещиков и крестьянских обществ на взаимовыгодных условиях.

И на Урале, констатировал князь, «нигде не слышать, чтобы встречалось затруднение в арендовании земель, как общественных, так и частных. Частных собственников на Урале очень немного, но владеют они огромными имениями, которые они сами эксплуатируют для горнопромышленных целей, причем почти все они значительно развили свою выплавку чугуна, в некоторых случаях почти утроили ее в одно десятилетие, что на древесном топливе еще нигде не было наблюдаемо. Несмотря на это, часто повторяются нарекания на крупных уральских помещиков, что они недостаточно энергически эксплуатируют недра своих земель». В опровержение князь приводил пример своих собственных угольных копей, где действовали электрические насосы и подъемы угля, электровозы для подземной прокатки, паровозы для перевозки угля, воздушные проволочные пути и копи были подготовлены для того, чтобы добывать до 50 млн пудов, но сбыть могли не более 35 млн пудов, «ибо спрос создает предложение товара, а не наоборот» [Там же, с. 54–58].

В XIX в., утверждал князь, «русская горная промышленность развивалась правильно, органически и не менее успешно, чем в прочих странах. Если же в некоторых из них развитие шло быстрее, то только

потому, что у них были факторы, отсутствовавшие у нас». Среди таковых он называл позднее начало использования минерального топлива (с 1880-х гг., когда Екатерининская железная дорога соединила Донецкий уголь с Криворожской рудой) и общую неразвитость железных дорог (к 1907 г. в России было проложено 73 870 км путей, а в САСШ – 349 800), а также поздний (с 1887 г.) переход к покровительственной политике в отношении металлов и угля. Но даже в результате этих запоздалых мер в последнее десятилетие XIX в. «развитие пошло слишком быстро и производство на многие годы опередило потребление»: в 1902 г. российские заводы были в состоянии выплавить 260 млн пудов чугуна, а продать – только 180 млн. Перепроизводство, вызвавшее сильнейший кризис, свидетельствует, что «нет надобности беспокоиться о том, что горная промышленность у нас недостаточно развивается, и изыскивать меры для искусственного ее развития». Хотя, соглашался князь, душевое потребление металла в России существенно отставало от Соединенных Штатов, Англии и Германии, но для того, чтобы преодолеть отставание, необходимо было не столько наращивать темпы развития отрасли, сколько принимать иные меры общего социального характера [Абамелек-Лазарев, с. 45–68].

Основной вывод С. С. Абамелек-Лазарева заключался в предложении не консервировать, как могло показаться на первый взгляд, а совершенствовать отечественное горное законодательство, ориентируясь и на иностранный опыт, но перенимать из него только то, что уже принесло там существенную пользу и что не нарушает «основ российской государственности». «Для чего нарушать право собственности без всякой необходимости, – вопрошал он, – почему не брать примера с культурных стран, тщательно оберегающих право собственности, почему не заимствовать из иностранных законодательств то, что может, не нарушая ничьих прав, улучшить наши законы, наконец, почему их не улучшать и без подражания иностранным образцам? Ничто не совершенно, и наши горные законы могли бы быть значительно улучшены и дополнены с целью при развитии горной промышленности одновременно не стеснять ни ее роста, ни землевладельцев» [Там же, 1909б, с. 69].

Выходом, по мнению князя, являлось бы «не умаление, а, наоборот, расширение права землевладельца» за счет введения уже существующих в динамично развивавшихся странах Европы и Америки и не принесших «ничего кроме пользы» двух видов собственности на поверхность земли и на ее недра и «разрешить продавать, дарить, завещать по желанию землевладельца поверхность земли отдельно от ее недр и недра отдельно от их поверхности». Предлагаемый закон о разделности, по его мнению, «устранил бы почти все нарекания на произвол землевладельца, как крупного, так и мелкого». «Если капитал ищет данное ископаемое, – резюмировал князь свои наблюдения, – то никакие преграды, никакой произвол землевладельцев не

воспрепятствуют созданию горного предприятия, т. к. интерес землевладельцев побуждает их извлекать пользу из недр своей земли, а не оставлять их без разработки. Не отвлеченные принципы создают промышленность, а капитал и энергия предпринимателя» [Абамелек-Лазарев, 1909б, с. 72, 85–86].

На совещании 1909 г. мнение С. С. Абамелек-Лазарева сыграло во многом определяющую роль. Сначала ход совещания направляли сторонники горной свободы. На первом же заседании в ответ на основанные на подсчетах С. С. Абамелек-Лазарева высказывания представителя Совета съездов горнопромышленников Урала А. А. Штоф авторитетно заявил, что «необходимость введения начал горной свободы нет никакой возможности доказать какими-либо статистическими данными, так как дробление недр совершенно не поддается статистическому учету, и тип горного законодательства, построенный на принципе горной свободы, может совершенно потеряться в массе других условий, не в меньшей мере влияющих на развитие горной промышленности». Должно быть обосновано другое соображение о том, можно ли допустить в государственных интересах «некоторые ограничения по отношению к известным ископаемым такого бесспорно непоколебимого института, как право собственности». Особой подкомиссии было предложено разработать проект признания права на разработку недр частных земель «особым вещным правом в чужом недвижимом имуществе», т. е. сервитута. Лично подключившийся к обсуждению С. С. Абамелек-Лазарев сумел доказать тогда, что это «новое начало» не представляет «широкого простора» ни горнопромышленнику, ни собственнику имения [РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 491, л. 1–4, 23].

Под влиянием его аргументов многие представители министерств и даже горнопромышленники Юга «признали желательным установление в законе особого вида права на недра», считая, что он предпочтительнее горной свободы. А. А. Штоф остался при своем мнении, полагая, что «как бы ни была полезна эта реформа, она не может заменить собой установления горной свободы, ибо не достигает главной цели последней», т. е. не устраняет произвола землевладельца [РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 491, л. 18–21 об., 23]. При образовавшемся в итоге раскладе сил совещание не смогло выработать общего решения, в результате чего существенных перемен в недропользовании в Российской империи тогда не произошло. В последних Дополнениях 1912 г. к Своду законов по-прежнему было записано, что «право полной частной собственности в имуществах недвижимых объемлет не одну поверхность земли, но и самое ее недра; и потому оно простирается на все сокровенные минералы и на все металлы, из них происходящие» [Дополнения, ст. 193]. Уже после Февральской революции вопрос о введении горной свободы был вновь поставлен, но так и не решен до скорой национализации земли в октябре 1917 г. До этого момента Семен Семенович Абамелек-Лазарев не дожил.

Он скончался в 1916 г., до конца оставаясь защитником неограниченного права собственности на землю и сопряженного с ним принципа горной акцессии и противником ограничения прав собственника и сопряженной с этим горной свободы.

Значение этого спора, впервые поставленного тогда на научную основу исследованиями князя С. С. Абамелек-Лазарева и других горных деятелей и правоведов, на наш взгляд, заключается не только в том, что в нем отчетливо прозвучали мнения и аргументы теоретиков и практиков, выявились во многом несхожие интересы различных региональных групп предпринимателей, в частности уральских горнозаводчиков и горнопромышленников Юга, а также определилась сложность разработки в такой неоднозначной ситуации экономической политики государства. Особое звучание этому спору придает выявившееся противоречие между двумя базовыми ценностями предпринимательства: экономической свободой, с одной стороны, и частной собственностью – с другой. Проблема недропользования стала такой сферой, где эти два принципа оказались не в органичном единстве, а в известной оппозиции, сгладить которую было нелегко даже признанным авторитетам. Спор свидетельствовал о необходимости развития этих институтов и связанных с ними правовых систем с учетом всего многообразия мирового исторического опыта.

Абамелек-Лазарев С. С. Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии. СПб., 1902.

Абамелек-Лазарев С. С. Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г. СПб., 1909а.

Абамелек-Лазарев С. С. Нужно ли вводить в России горную свободу, отмененную в Германии. СПб., 1909б.

Дополнения к Своду законов 1893 г. СПб., 1912. Т. 7. Устав Горный.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 337, 375.

Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. 321 с.

Мезенина Т. Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил: НТГСПА, 2004. 600 с.

РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 300.

РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 491.

Струкгов В. Г. Курс горного права: Изложение основных начал горного законодательства России в связи с кратким обозрением принципов горных законодательств важнейших горнопромышленных государств Западной Европы. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907.

Штоф А. А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1896. 629 с.

Штоф А. А. Нужна ли нам «горная свобода». Харьков, 1908.

Яновский А. Е. Основные начала горного законодательства и пересмотр его в России. СПб. : Тип. М-ва фин. (В. Киршбаума), 1900. 166 с.

Abamelek-Lazarev, S. S. (1902). *Vopros o nedrah i razvitie gornoj promy'shlenosti v XIX stoletii* [Question about the entrails and the development of mining engineering in the 19th century]. St. Petersburg.

Abamelek-Lazarev, S. S. (1909). *Nuzhno li vvodit' v Rossii gornuyu svobodu, otmenennuyu v Germanii* [Is it necessary to introduce the mining liberty, recalled in Germany, in Russia]. St. Petersburg.

Abamelek-Lazarev, S. S. (1909). *Vopros o nedrah i razvitie gornoj promy'shlenosti s 1808 po 1908 g.* [Question about the entrails and the development of mining engineering from 1808 to 1908 yr.]. St. Peterburg.

Dopolneniya k Svodu zakonov 1893 g. Ustav Gornyj. [Supplements to the Code of laws of 1893 yr. Mining Statute.]. (1912). (Vol. 7). St. Petersburg.

GASO. F. 24. Op. 2. D. 337, 375. [The state archive of Sverdlovsk region. Stock 24. List 2. Dossier 337, 375].

Kurlaev, E. A. & Man'kova, I. L. (2005). *Osvoenie rudny'h mestorozhdenij Urala i Sibiri v XVII v.: u istokov Rossijskoj promy'shlennoj politiki* [The development of ore deposits of the Ural and Siberia in 17th c.: at the origins of Russian industrial policy]. Moscow: Drevlehranilishhe.

Mezenina, T. G. (2011). *Permskie vladeniya Stroganovy'h v XVIII – pervoj polovine XIX v.: osobennosti prostranstvennoj i social'no-e'konomicheskoy organizacii* [Perm estates of the Stoganovs in 18th–first half of 19th c.: characteristics of spatial and socioeconomic organization]. Nizhnij Tagil: NTGSPA.

Neklyudov, E. G. (2004). *Ural'skie zavodchiki v pervoj polovine XIX v.: vladel'cy' i vladeniya* [Ural manufacturers in the first half of XIX c.: owners and ownership]. Nizhnij Tagil: NTGSPA.

RGADA. F. 1278. Op. 1. D. 300. [Russian state archive of ancient acts. Stock 1278. List 1. Dossier 300].

RGIA. F. 37. Op. 67. D. 491. [Russian state historical archive. Stock 37. List 67. Dossier 491].

Shtof, A. A. (1896). *Gornoe pravo. Sravnitel'noe izlozhenie gorny'h zakonov, dejstvuyushhix v Rossii i glavnejshix gornopromy'shleny'h gosudarstvah Zapadnoj Evropy'* [The Mining law. Coparative statement of mining laws, that are in force both in Russia and the most important mining states of Western Europe]. St. Petersburg: Tipografia M. M. Stasyulevicha.

Shtof, A. A. (1908). *Nuzhna li nam "gornaya svoboda"* [Do we need "mining liberty"?]. Kharkov.

Strukgov, V. G. (1907). *Kurs gornogo prava: Izlozhenie osnovny'h nachal gornogo zakonodatel'stva Russii v svyazi s kratkim obozreniem princy'pov gorny'h zakonodatel'stv vazhnejshix gornopromy'shleny'h gosudarstv Zapadnoj Evropy'* [The course of mining law: the basic principles of mining law of Russia in relation to brief review of the approaches of mining legislation of the most important mining states of Western Europe]. St. Petersburg: Tipografia I. N. Skorohodova.

Яновский, А. Е. (1900). *Osnovny'e nachala gornogo zakonodatel'stva i peresmotr ego v Rossii* [The basic principles of mining legislation in Russia and its review]. St. Petersburg: Tipografia Ministerstva finansov (V. Kirshbaum).

The article was submitted on 04.06.2014

Евгений Георгиевич Неклюдов
к. и. н.
Россия
Институт истории и археологии
УрО РАН
ntplant9@mail.ru

Yevgeniy Neklyudov, Dr
Russia
Institute of History and
Archaeology, Ural Branch of the
Russian Academy of Science
ntplant9@mail.ru